

Н. Н. Суворов

Иллюзии в пространстве культуры

Проблема пространства культуры исследуется в ее внутреннем и внешнем строении. Рассматриваются субъективное и intersubjective пространства, основанием которых становится поступок и событие. Субъективное пространство культуры наполнено иллюзиями, существующими в форме воображаемого, и опирается на предметные и беспредметные образы. Историко-культурные исследования обращены на эпистему Возрождения, в которой выявляется иллюзия античности в ее платонизме и неоплатонизме. Проводится анализ «Афинской школы» Рафаэля как художественной и интеллектуальной иллюзии, собирающей основные идеи неоплатонизма. Параллельное существование демонологии подчеркивает устойчивость экзистенциальных иллюзий и их проявление в культурной среде различных слоев общества. Демонология оказывается популярной в широкой народной среде наряду с гуманизмом Возрождения. Иллюзии культурного пространства, существующие в ментальном воображаемом, проявляются как гипотезы и предположения, стремящиеся заполнить вакуум незнания.

Ключевые слова: иллюзия, воображаемое, культурное пространство, Возрождение, демонология, поступок, событие, образ, соблазн

Nikolai N. Suvorov

Illusions in culture space

The problem of space of culture is investigated in its internal and external structure. Subjective and intersubjective spaces which basis is an act and an event are considered. The subjective space of culture is filled with illusions, existing in the form of imagined and leans on subject and pointless images. Historical and cultural researches are turned on epistem the Renaissance in which illusion of antiquity in its platonizmus and Neoplatonismus comes to light. The analysis of «The Athenian school» of Raphael as the art and intellectual illusion collecting the main ideas of Neoplatonismus is carried out. Parallel existence of demonology emphasizes stability of existential illusions and their manifestation in the cultural environment of various sectors of society. Demonology is popular in the wide national environment along with humanity of the Renaissance. The illusions of cultural space existing in mental imagined are shown as the hypotheses and the assumptions seeking to fill an ignorance vacuum.

Keywords: illusion, imaginery, cultural space, Renaissance, demonology, act, event, image, temptation

Культурное пространство разворачивает свои просторы вокруг отдельной экзистенции и заполняется артефактами и приметам субъективного участия. Но также пространство культуры стремится стать вторым бытием, искусственно созданным и занявшем устойчивую позицию в социуме, преобразуя социальность в культурном контексте. Культурное пространство требует своего измерения, в котором выделяются координаты близости к субъективному, вещи, входящие в поле его действий, – доступное сокровенное пространство. Близкое пространство культуры слагается из действий субъективности, шагов, направляющих поступь к устойчивым образованиям – **поступкам**, культурным действиям по освоению и творению культуры. Вовлеченность субъекта в производство культуры определяется действиями, поступками участия в происходящих процессах. Поступок становится проявлением интенций

субъективного и оказывается деятельным воплощением субъекта, уникальной флуктуацией культурного пространства, утверждением присутствия. Совокупность поступков организует возможное направление общего культурного движения. Поступления субъективности создают фон экзистенции – «климат» культурного пространства. В поступке проявляется «участное мышление» субъективности, причастность бытию и направленность самораскрытия [1]. Архитектоника пространства, в которую вторгается поступок, меняется и изменяет форму проявления экзистенции, в то же время сохраняющей свою неповторимость, нахождение своего места в культурном пространстве. Каждый момент поступка связывает и соотносит ответственное участие субъективного с наполнением переживаемого – становится выражением ценности и смысла существования. «Поступающее сознание» осуществляет выбор в

координатах ценностей и смыслов, свободу воли, участвуя в производстве присутствия. Поступок – посильный вклад субъективного в творение культуры, в нем утверждается актуальное культурное пространство. Повидимому, исследование поступка нуждается в структуризации и типологии, поскольку в нем одновременно проявляются ограничение и раскрытие: устойчивость координат пространства/времени ограничены действием, и одновременно осуществляется прорыв этой устойчивости. В поступке есть некоторая непредвиденность, выступающая за сферу воображаемого и мыслительного, бесконтрольная ведомость, решительный момент телесного действия. Поступок – бросок в бытие.

По аналогии с термином Бахтина – «участное воображение», в горизонте субъективности выстраиваются образы близкого пространства, наполненного событиями суверенной жизни. Субъективное культурное пространство «вытаптывается», метится следами пребывания и обозначается экзистенциальными образами присутствия. Словесная родственность стихийно фиксирует естественную близость понятий «поступающего сознания», по аналогии с телом делающего воображаемые шаги.

Так, пространство дома является простейшей единицей культурного пространства субъективности, закрепляясь в домашних артефактах, шифрует возможные поступки своего владельца и формирует воображаемый дом как средоточие и иллюзию субъективного. Культурное пространство домашних вещей создается в приближении к иллюзии субъективной Вселенной, имеющей воображаемые модификации в образах гнезда, кокона, норы, логова, скрывающих экзистенцию своего создателя в собственной среде обитания.

Пространство наполняется иллюзиями субъективного воображаемого. Неуверенность воображаемого проявляется в его случайности/иллюзорности. Образы воображаемого заполняют пространство иллюзий субъективного. Действительно, воображаемое в силу присущей ему свободы способно творить произвольные миры, и только скорые и непроверенные на опыте убеждения позволяют принимать их за реальность. Фантазия как форма произвольного воображения создает иллюзии как «необходимые заблуждения», выполняющие роль призрачной ширмы для выстраивания и ограничения «позитивного» культурного пространства. Иллюзии высвечивают реальность и прячут сознание от «ужаса неведомого», закрывают пустоты

допустимыми и доверенными образами. Иллюзии подобны декорациям театрального действия, прячут технологическую безликость эстрады и наполняют пространство уместными обманками воображаемой мистерии. Иллюзии окружены неуверенностью и страхом сомнения в их возможной достоверности, но в них всегда присутствует энергия. Живучесть и энергия иллюзий исходят из воображаемого, гибко и подвижно соединяющего иллюзорное с устойчивыми образами и понятиями ментального. На основе иллюзий как мысленных допущений формируются возможные гипотезы, с помощью которых создается картина мира, стремящаяся к законченности – без очевидных провалов и зияющих пустот. Устойчивость картины мира требует «коммуникативного согласия» хотя бы на короткое время формулирования. Шоры сознания, установленные границы компенсируют свою временность недолгим удовлетворением – осознанием освоенного пространства. Иллюзии воображаемого – условная остановка потока бытия, его антропологический срез, но также возможность вообразить и осознать свою причастность присутствию.

Культурное пространство в горизонте интересубъективного способно существовать как достоверная/недостоверная иллюзия, в которой потенциальное пространство культуры разворачивается во времени. Реконструкция прошлого основана на культурных традициях, связывающих современность с устойчивым опытом. Если субъективное культурное пространство наполняется отдельными поступками, то культурное пространство интересубъективного выстраивается из **событий** культуры, имеющих меру общности, выходящих за рамки только субъективного опыта. Потенциальное культурное пространство создается в среде памятников и произведений, содержащих в себе фрагменты, нарративы и образы событий.

Созданная иллюзорная картина мира как субъекта, так и социума, состоит из **предметных иллюзий** (вещественных и телесных), включающих в себя воображаемые события, придуманных героев, помещенных в произведения искусства, памятники и нарративные повествования. Очевидность включения литературных и живописных образов в имажинативную реальность превращает их в реальность культуры как объективных фактов: прогулки «вдоль Невы» Пушкина и Онегина отмечены многочисленным художественным цитированием, превращаются в явление художественной биографии не только героя и

автора, но и наполнения событиями культурного ландшафта. Персонажи произведений становятся собеседниками воображаемых диалогов и соучастниками воображаемых событий, оказывая влияние на судьбы людей и движение культурного пространства, олицетворяют собой телесные и ментальные искушения. Искушения кроются в возможности замещения: получить удовольствия и не отвечать за последствия. Пространство культуры наполнено искушениями и стремлением прожить другую жизнь, осуществить невозможные поступки, испытать недоступные переживания. Привычные вещи окружены иллюзиями возможного пользования и проявляют нереальные свойства, принимают на себя особенности и характер владельца. Иллюзии магических свойств камней и металлов охотно поддерживаются в культурной среде и принимаются как тайные помощники.

Иллюзорная картина присутствия останавливает поток бытия, допуская временную фиксацию и возможную замену – устаревшая иллюзия, как рассыпавшийся в стене кирпич, заменяется другой. Привычки повседневности превращают ее в условное постоянство, не позволяют высказываться из конвенции принятых правил. Мода и модность демонстрируют постоянство и изменчивость иллюзорной привлекательности, выстраивая образ телесного как произвольного культурного актора. Предметные иллюзии возникают в процессе восприятия мира вещей, создают превратные образы. Вещи, помимо своей полезности, выступают как знаки бытия и предлагают полифоническое прочтение бытийных текстов. Смысловая многозначность вещей создает полиморфное поле предметного воображаемого, наполненного диалогическим участием неодушевленных предметов. «Вещи меня не любят!» – восклицает Кавалеров, герой романа Ю. Олеши «Зависть». Иллюзии любимых и нелюбимых предметов выгораживают автономность экзистенции, обустроивают занятое пространство вещами-союзниками против вещей-противников. Вторжение уникальных антикварных вещей подтверждает подвижный характер присутствия, цитирует основательность прошлого и вводит в современный обиход архаичный или экзотический говор. Продолжительное существование предмета во времени создает иллюзию канала связи: старое кресло как будто переносит в атмосферу мыслей и ощущений когда-то сидевшего в нем человека, а персидский ковер способен навеять аромат восточного базара. Устойчивая в культурной среде «любовь к

старине» поддерживается убеждением действительной ценности прошлого, воспринимаемого в координатах личного опыта. Иллюзии старины ориентируют воображаемое как на консерватизм, признание прошлого как наилучшего, ценного облика бытия, так и на новаторство – видение прошлого как порога дальнейшего развития и направленная его фильтрация. Воображаемые иллюзии пускаются в условную игру с заменой случайных и изменением принятых образов, включением игры смыслов и их актуальной интерпретации. Так социальная катастрофа революции может не осознаваться, подменяться субъективными и социальными иллюзиями справедливости культурного события.

Герменевтика воображаемых смыслов – их объективное прочтение – возможна в научных исследованиях, но и здесь они носят условный, конвенциональный характер и имеют оттенок гипотетичности и неопределенности. Так Эйнштейн признавался в приблизительном характере своих научных открытий и, возможно, в состоянии сомнения сжег свой труд «Единая теория поля». Иллюзии воображаемого бытия превращаются в подвижную, «мечущуюся необходимость», но создают возможность полета среди многообразия предметных возможностей.

Существо **беспредметных иллюзий** заложено в чувственной сфере, в установке эмоциональной направленности и природной надежде на позитивный исход («все к лучшему!»), в стремлении к воображаемой «абсолютной свободе» как цели, истине, бессмертию. «В положительном начале всегда больше правильности, чем в отрицательном. Скорее умный человек может сказать какую-нибудь глупость, чем дурак родит хоть одну умную мысль» [2, с. 149]. Идеи-иллюзии успокаивают экзистенцию в ее трагической конечности, стимулируют движение ментального к творчеству и познанию [3, с. 143]. Беспредметные иллюзии создают эмоциональный фон, формируют чувственный настрой, не всегда поддающийся точной рефлексии: ожидание желанной встречи, осуществление счастливого события, надежда на удачу, предчувствие успеха или предвидение приближающейся беды. Беспредметные иллюзии образно/чувственно ощупывают будущее, намечая в неясном тумане варианты возможных исходов среди ловушек бытия. Эмоциональные иллюзии стали основой метода психокоррекции, применяемой в медицине при создании «исцеляющих настроев». При помощи речевого управления психических и со-

матических состояний появляются образные яркие представления, способствующие изменению угнетенного состояния и исцелению [4]. Вербальное воздействие на эмоциональные состояния осуществляется благодаря изменению воображаемого, ведущего настрой ментальности словесно выраженными смыслами. Вербальные медитации направляют воображаемые беспредметные иллюзии, организуют реальность бытия. Слово как лечит, так и калечит. Вербальная грубость родилась из древней ворожбы и магии, выступая как направленная энергия, воздействующая на субъективное воображаемое. Беспредметные иллюзии захватывают ментальное пространство отдельной личности в процессе продуктивной деятельности, но также способны превратиться в массовое безумие, возникающее в ожидании эсхатологической катастрофы.

Исследование истории культуры в оптике развития иллюзий открывает новые аспекты ценностей и смыслов, возникающих во взаимодействии образов и представлений, оказавшихся в поле зрения как единичных экзистенций, так и социальных множеств. Важно отметить отличие **иллюзий** от социальных **утопий**, поскольку смыслы обоих понятий достаточно близки. Иллюзии – это обманки ментальных способностей, и они закрепляются в воображаемом как произвольные представления, имеющие или не имеющие аналогии в реальности. Утопии же понимаются в нашей трактовке традиционно как литературные или социальные произведения, как интеллектуальные конструкции с социальной направленностью, с изображением не существовавшей и не существующей социальной жизни. Иллюзия – более широкое понятие, и оно включает в себя утопию как социальную иллюзию. Утопия, не защищенная художественной условностью, нарративностью, подкреплением возможной достоверности, превращается в иллюзию. Активность иллюзий как предметных, так и беспредметных, формируется в виде подвижных целей, окрашенных интенсивным чувством и стремлением к достижению. Воображаемая иллюзия существует в векторе времени, возникнув когда-то в прошлом, закрепившись в настоящем и оказываясь целью в будущем, активизируя желание, извлекая отдельное существование из непроявленного присутствия. Иллюзия возникает как особое поле, содержащее образы, ценности и смыслы – несет с собой предметность и беспредметность, порождая иллюзорные идеи, активно влияющие на присутствие. Активность поля отражается в изменении

реальности – развороте бытия в оптике присутствия. Иллюзии помогают раскрыться потенциалам культуры, порождая продуктивные возможности раскрытия смыслов, но могут оказаться пагубными, продуцируя массовые безумия и социальные фобии. Иллюзии способны вторгаться в бытие, преобразовывать его в своей отвлеченной идеальности и приближать присутствие к развернутости бытия. Так иллюзия, оставшегося в прошлом «золотого века», объединила своих адептов и превратила, например, в «гуманистов Возрождения», или иллюзия желанной свободы становилась аттрактором протестной деятельности и собирала единомышленников в тайные общества: «Союза спасения», «Союза благоденствия», «Южного» и «Северного общества» (1818–1825). Ценностью воображаемых иллюзий становится творческая и продуктивная деятельность на примере итальянских «гуманистов» или, к сожалению, не успешная, окончившаяся катастрофой – революционная – на примере отечественных «декабристов».

Так ренессансный тип мышления оказался интенсивным смыслообразованием, при котором интерпретация античной культуры, построенная на избранном понимании античных ценностей и смыслов, превратилась в создание самостоятельной культурной эпистемы. Иллюзии Ренессанса в горизонте некоторых идей античности стали продуктивным стимулом собственного развития. Ценности прошлого реанимировали актуальные смыслы культурного движения. В стремлении овладеть наследием античной культуры произошли метаморфозы воображаемого, что выразилось в чертах «ренессансного типа мышления как процесса перерождения мифа, при котором миф выходит за свои собственные пределы и становится немифом» [5, с. 113]. Идеальное в итальянском Ренессансе было интерпретировано как имманентная суть реального, притом способного органично сочетаться, становясь для него платоновской образцовой идеей. Гуманисты, вдохновленные теоретическими положениями платонизма и неоплатонизма, рассматривали античность в снятом варианте поздней римской культуры как образную и мыслительную реконструкцию стремления к возвышенному и идеальному. Вслед за Л. М. Баткиным повторим, что культура итальянского Возрождения менялась, включая в себя этапы своего содержания, предшествующие моменты и подготавливая будущие изменения. Включается также «синхроническая многоголосица», в которой переплетались разновременные смыслы и

ценности. Поиск постоянных структур позволяет точнее квалифицировать отдельные культурные периоды и выделять характерные эпистемы. Так выделяется собственная эпистема Ренессанса, пронизанная культурными иллюзиями.

Если принять для анализа наиболее типичных и выразительных авторов и их характерные произведения, что делает литературу, наиболее талантливо представленную в лице Лоренцо Медичи и Полициано, характерным выражением эпохи, то «едва не любая цитата из них окажется общим местом, часто даже прямо взятым напрокат у какого-нибудь античного писателя» [5, с. 62]. Античность для гуманистов превратилась в идеал, которому нужно следовать. Гуманисты увидели в античности чаемую антропологию как образец для подражания и способ формулирования собственных ментальных интенций. Античность в глазах гуманистов превращалась в нарративную утопию, полную эстетических ценностей, достойных тщательного изучения и усвоения. Преодолевался принятый средневековой схоластикой авторитет отцов церкви и односторонне и превратно истолкованного учения Аристотеля. Средневековые ссылки на авторитет патристики заменялись изучением найденного и вновь переведенного художественного и литературного наследия античности. Так Леонардо Бруни делает новые переводы античной классики, очищает тексты от ошибок и схоластических приписок. «Подлинное возвращение Платона и неоплатонизма европейской философской культуре было осуществлено в переводах и комментариях Марсилио Фичино» [6, с. 145], открывшего новое прочтение и своеобразие «пифагорейского платонизма в сравнении с прежним средневековым аристотелизмом» (А. Ф. Лосев). Новое возрожденческое прочтение античности явилось во фреске Рафаэля «Афинская школа» (1510–1511). В произведении отразилась одна из главных идей гуманистов – всеобщее согласие: фреска объединяет более семьдесят представителей различных философских школ Древней Греции, беседующих и спорящих, но находящихся в едином процессе интенсивного размышления, а также согласия веры и разума, перипатетиков и платоников, греков и латинян, современных ученых и античных мудрецов. Это единство чуть раньше выразил в теоретических положениях Пико делла Мирандола в выдвинутых им девятистах тезисах (1486) и своей знаменитой «Речи о достоинстве человека» (1496), в которых утверждалось особое предназначение чело-

века и исходное единство всех положений человеческой мысли. В «Афинской школе» Рафаэль показал не спор и противоречия Платона и Аристотеля, типичные для средневековой интерпретации, а идею, утверждаемую флорентийскими платониками, – согласия основных философских направлений. «Диалогическое ее построение исходит из признания множественности источников философствования, разнообразия школ и направлений и вместе с тем из понимания глубочайшего их внутреннего единства» [6, с. 163]. Жесты двух философов, направленные вверх – у Платона и к земле – у Аристотеля, и их согласное внимание примиряют противоречия, утверждая единство неба и земли. Иллюзии интерпретаций античности превратились в позитивные представления о диалогической природе человека и космоса, типичные для итальянского Возрождения. Столкновение культурных традиций, происходившее в воображаемом мире гуманистов, породило идею «вечной незавершенности, вечной потенциальности» культуры [7, с. 174]. В «Афинской школе» Рафаэля отразилась мечта о согласии противоречивых античных философских учений и торжестве мудрости – итоге целой эпохи, начатой Данте и законченной развитием этих идей в Платоновской академии. Эта мечта выразила высшую точку гуманистического сознания «в гармоническом соединении обожествленного мира и обожествленного человека» [6, с. 165]. Иллюзии гуманистов оказались целями и основой культурного опыта, складывающихся на основе идей, социальных утопий и произведений искусства, ставших действенной интерпретацией античности и моделью собственного развития. Воображаемая культурная реальность гуманистов, хотя не соответствовала историческому движению к упадку Ренессанса, но стала утверждением ценностей и смыслов собственной эпистемы. Можно утверждать, что неоплатонический космос преподнес множество неожиданных открытий и идей, раздвигая мир географическими открытиями, распространения знания с помощью печатного станка, новизной произведений искусства. Ренессанс совершенно иначе интерпретировал **чуждое** как воображаемую иллюзию. Если «средневековье ожидало чуда, потому что нет ничего невозможного для бога; Возрождение допускало чудо, именно потому, что безоглядно и восторженно утверждало земную реальность. Ибо нет ничего невозможного для человека, и природа – мать всяческого волшебства» [7, с. 143]. Волшебство для гуманиста не сводимо к случайной

иллюзии или богохульной превратности, поскольку оно выступает как мироощущение, состояние готовности к неожиданному событию, научному открытию или эстетическому впечатлению. Иллюзии чудесного для Возрождения стали закономерным проявлением самого бытия, его выхода из потаенности. Неслучайно странствия рыцаря Дон Кихота называются «приключениями», подчеркивая свободный выбор героем линии поведения и направления странствия. Чудесными видятся «божественные» возможности отдельной экзистенции, раскрываемые в самостоятельном творении – от состояния женской беременности – творения новой жизни, до художественного и научного творчества – творения новых миров.

Интенсивность иллюзий компенсирует видимую незащищенность, в них вырабатывается способность противостоять любой критике и логическому анализу. Устойчивость иллюзорного воображаемого свободно противостоит аргументам разума. Иллюзии выстраивают действительное развитие событий в особой логике собственных объяснений. Точнее, логика иллюзий постоянно меняется сообразно изменчивому мерцанию иллюзорного предмета. Логика иллюзий выстраивается самими иллюзиями. Иллюзии возникают и живут в силовом поле желаний и собственных представлений, порождая новые иллюзии. Иллюзорное пространство расширяется, сопровождая расширение культурного пространства. Воображаемые иллюзии в своей множественности выстраиваются в рамках художественных образов или утопических моделей сознания – для слоя образованных. Ментальность массового сознания проявляется как сфера иллюзорного бессознательного. Расширение поля идеального, начатое гуманистами, проявилось в сознании массы, незатронутым ренессансными идеями и контролем мыслительной дисциплины. Проявлением иллюзий веры, например, стала повсеместная «охота на ведьм», развернувшаяся в Европе в XVI–XVII вв. Небывалый подъем демонологии и демономании пришелся на период позднего Возрождения и Реформации. Иллюзии вселенской антропологии гуманистов – интеллектуальной элиты – совместились по времени с иллюзиями простолоюдинов – неременного присутствия Дьявола во всех человеческих делах. Разоблачение и преследование ведовства стимулировалось не только священнослужителями, но начиналось уже под давлением населения, требовавшего расправ над подозреваемыми в причастности к

частой и неожиданной гибели сограждан или иным многочисленным бедствиям. Исследователи отмечают особый фон эпохи, в которой разворачивалась «охота на ведьм» [8]. Эсхатологические страхи, связанные с ожиданием Конца света (конец XV в.), вызывались частыми эпидемиями, неурожаями, голодом и воплощались в навязчивой теме смерти – отражение страданий и бедствий в произведениях искусства. Страх смерти сопровождался страхом перед нечистой силой, еще более возросшим по сравнению со средневековьем. «Сатану мыслят теперь как всемогущего соперника Бога, как „князя мира сего“». По мысли Лютера, Дьяволу принадлежит весь видимый мир, и такое представление стало общепринятым [9, с. 35]. Человек существовал и мыслил в постоянном присутствии дьявольского промысла, допущенного Всевышним. Показателями воображаемого присутствия Дьявола выступают многочисленные свидетельства о сношениях с «нечистой силой», сообщенные подозреваемыми в ведовстве еще до суда, применения пыток и осуждения. Воображаемые иллюзии веры свидетельствуют о «субъективной реальности», постоянно возникавшей в культурном пространстве эпохи. Демонические иллюзии возникали в рамках сюжетов, запечатленных в произведениях житейной литературы, волшебных сказках, мифологических нарративах и проявлялись в «ритуальной жестокости», телесных страданиях и воображаемых искушениях.

Распространение бытовой магии среди простолоюдинов требовало практики колдунов, знахарей и прорицателей, которые, как и само занятие, воспринимались двойственно: как бытовое суеверие, полезное для повседневной жизни, но опасное в практике религиозного опыта. Ворожба спасает от глаза, но соблазняет сношением с демонами, с нечистой силой. Воображаемые иллюзии переплетались в горизонте двух ценностей: утверждение повседневности и спасение души – эти ценности вступали в неразрешимое противоречие, превращая экзистенцию в арену борьбы божественного и демонического. При этом демонизировалась именно народная крестьянская культура, близкая к земле и помнящая древние праздники плодородия. Убеждения в реальности ведьм и опасности сношения с ними преобразились в «тотальной демонизации», навязываемой церковью, и встречала энтузиазм и сочувствие всего населения.

Разработанное учение об «инкубах и суккубах» стало авторитетным основанием подозре-

вать любого человека в сношениях с Дьяволом и распространении символической «нечистоты» среди христиан. «Чтобы ворваться в слабо защищенную душу, дьяволы пользовались не только малейшим вольным грехом, но всякой невнимательностью, вводившей в грех невольный. Дитя хочет пить. Дьявол подсовывает ему кружку воды и сам в нее ныряет. Бедное дитя пьет, позабыв перекреститься, и вот – бес уже в нем. Это рассказ св. Цельза... Св. Григорий Великий знал монахиню, съевшую демона в листке латука» [10, с. 132].

В печально известной книге: «Молот ведьм» (1486) авторы-инквизиторы, ссылаясь на авторитет Фомы Аквинского, утверждали реальное существование ведьм. В сочинении учитывались возможные контраргументы: 1. Что «чародейство» живет лишь в воображении некоторых людей, в то время как в действительности его не существует. 2. «Другие признают существование ведьм, но полагают, что они своим колдовством действуют лишь на воображение и фантазию. Третьи утверждают, что чародейство – вообще фантазия, хотя бы дьявол и помогал ведьме» [11, с. 48].

Указанные три типа допущения воображаемого колдовства не исключают реальное колдовство, но прячут его как возможную иллюзию. Главным аргументом выступает ссылка на Священное Писание, где утверждается, что «бесы имеют власть над телесным миром и воображением людей». Эти «низринутые ангелы» обладают большими познаниями и различными способностями, в том числе могут быть искусными художниками. Дьявол способен овладеть умом поддававшемуся ему человеку и внушить ему фантазию, которая будет принята как действительность. Воображаемое, таким образом, трактуется как искушающая иллюзия. Демонов необходимо распознавать и особенно их «прислужников» – ведьм и колдунов, способных принять любой образ в целях овладения безгрешной душой. Отрицание этих нехитрых постулатов объявлялось ересью и жестоко преследовалось. Между тем усилия инквизиторов направлялись на четкое разграничение признаков действительного колдовства от представления о нем как воображаемой иллюзии. Этой мыслью пронизана вся книга, в которой уделено внимание даже самой способности «воображать». Воображение трактуется инквизиторами вполне в аристотелевской традиции как одна из способностей души, объединяющая душевные силы в едином творении образов. Иллюзорность образотворчества несравнима с реальной опасностью ведовства: «Ведьма и колдун

употребляют при порче реальные, а не воображаемые средства: злой глаз, заклинания, замороженные предметы, подкладываемые под порог дома» [11, с. 138]. При заключении договора ведьмы с Дьяволом, утверждают инквизиторы, осуществляется действительное служение, а не воображаемое: «Для исполнения договора ведьме необходимо телесно сотрудничать с Дьяволом, а не в воображении» [11, с. 129]. И полеты на «шабаш», и различные обряды, и порча – все это не следует принимать за фантазии и иллюзии, это является реальностью. Следует использовать пытки и заставить демона признаться в овладении грешным телом, после чего освободить расквашенную душу от этого тела с помощью огня. Особенно опасна женская природная «податливость» и сила женского притяжения, «наподобие магнита». Женщины способны активизировать скрытые от человека силы и «с помощью определенных приемов воздействовать на чужие тела и производить изменения их без участия Дьявола, что для нашего разума не совсем понятно. Недоумение инквизиторов вызвано телесными соблазнами, в которых им трудно было признаться. «Не подлежит сомнению, что сила воображения способна воздействовать на тело» [11, с. 141].

Инквизиторы, замкнувшись в монашеском одиночестве, видели в одном только образе женщины способность сильного воздействия на собственные тела, и это приводило их в искреннее смущение. К своей чести, они все же признались в своей книге, что данное непонимание «не должно заставить нас приписывать подобное воздействие дьяволу, как бы говорящему из женщин». Воображаемая женщина способна искушить монаха, и эта борьба с собственным воображением привела инквизиторов к необходимости материализовать искушения и придать их очистительному огню костра.

Страх нечистой силы и иллюзии ведовства вытеснили неопределенные допущения иллюзорной природы и превратились в «бесовские эпидемии» в Германии и на юге Франции в XVI–XVII вв., став причиной пылающих костров, сжигающих несчастных. Воображаемые иллюзии всегда проще объяснить происками Дьявола. Особенно подозрительны были женщины, непонятные иезуитам. Их природная греховность объяснялась банально, что они «по своему существу склонны к меньшей вере, чем мужчины, похоть их не имеет границ» и они принадлежат к другому человеческому виду [12, с. 27].

Иллюзии культурного пространства проявляются в субъективном воображаемом,

принимая вид индивидуальных поступков. При переходе в сферу интересубъективного иллюзии превращаются в события и в своей совокупности участвуют в формировании культурных эпистем. Культурное пространство всегда пронизано иллюзорными смыслами и ценностями.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984–1985. Москва: Наука, 1986. С. 80–160.
2. Фридлиндер М. Об искусстве и знаточестве. Санкт-Петербург: А. Наследников, 2001. 206 с.
3. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. Ч. 1 // Голосовкер Я. Э. Логика мифа. Москва: Наука, 1987. С. 114–165.
4. Сытин Г. Н. Животворящая сила, или Помогите себе сам. Москва: Энергоатомиздат, 1990. 416 с.
5. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. Москва: Наука, 1978. 209 с.
6. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. Москва: Наука, 1989. 272 с.
7. Горфункель А. Х. От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» // История философии и вопросы культуры. Москва: Наука, 1975. С. 131–166.
8. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения: исторический смысл эстетики Возрождения. Москва: Мысль, 1998. 750 с.
9. Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и перед судом: народная и ученая традиция в понимании магии // Языки культуры и проблема переводимости. Москва: Наука, 1987. С. 12–46.
10. Амфитеатров А. В. Дьявол. Москва: ВНК: Баркс, 1992. 839 с.
11. Шпренгер Я., Крамер Г. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова. Москва: Эксмо, 2011. 476 с.

12. Лозинский С. Роковая книга средневековья: предисловие // Шпренгер Я., Крамер Г. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова. Москва: Эксмо, 2011. С. 3–70.

References

1. Bakhtin M. M. Philosophy of act. *Philosophy and sociology of science and technology: yearbook*, 1984–1985. Moscow: Nauka, 1986. 80–160 (in Russ.).
2. Fridlender M. About art and expertise. Saint Petersburg: A. Naslednikov, 2001. 206 (in Russ.).
3. Golosovker Ya. E. Imaginative absolute. P. 1. *Golosovker Ya. E. Logic of myth*. Moscow: Nauka, 1987. 114–165 (in Russ.).
4. Sytin G. N. Life-giving power, or Help yourself. Moscow: Energoatomizdat, 1990. 416 (in Russ.).
5. Batkin L. M. Italian humanists: lifestyle, style of thinking. Moscow: Nauka, 1978. 209 (in Russ.).
6. Batkin L. M. Italian Renaissance in search of identity. Moscow: Nauka, 1989. 272 (in Russ.).
7. Gorfunkel' A. Kh. From «Triumph of Thomas» to «Athens school». *History of philosophy and culture*. Moscow: Nauka, 1975. 131–166 (in Russ.).
8. Losev A. F. Renaissance aesthetic: historical meaning of aesthetics of Renaissance. Moscow: Mysl', 1998. 750 (in Russ.).
9. Gurevich A. Ya. Witch in village and before courts: national and academic tradition in understanding of magic. *Languages of culture and problem of transferability*. Moscow: Nauka, 1987. 12–46 (in Russ.).
10. Amfiteatrov A. V. Devil. Moscow: VNK: Barks, 1992. 839 (in Russ.).
11. Sprenger J., Kramer H.; Tsvetkov N. (transl.) *Malleus Maleficarum = Hexenhammer*. Moscow: Eksmo, 2011. 476 (in Russ.).
12. Lozinskii S. Fatal medieval book: preface. *Sprenger J., Kramer H.; Tsvetkov N. (transl.) Malleus Maleficarum = Hexenhammer*. Moscow: Eksmo, 2011. 3–70 (in Russ.).